ГАЛИНА ГОЛИЦЫНА
СЛАДКОЕ ХОЛОДНОЕ БЛЮДО
Месть – это блюдо, которое подают холодным.
И как же сладка будет эта месть...
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ "АНДРОНИУМ"
А

Галина Голицына

Сладкое холодное блюдо

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Голицына Г.

Сладкое холодное блюдо / Г. Голицына — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Давно известно: месть – это блюдо, которое подают холодным. Катя едет в город своего детства, чтобы отомстить человеку, который когда-то сломал ее жизнь. У нее есть четкий план. Но череда незапланированных событий вдруг переворачивает всё с ног на голову. И трудно разобраться, кому можно верить, кому нельзя, кто друг, а кто враг. Да еще и покушения сыплются на неё одно за другим. Счастье, если удастся просто выжить, но Кате надо ещё и победить!

© Голицына Г.
© Мультимедийное издательство Стрельбицкого

Галина Голицына
Сладкое холодное блюдо

Аккуратно подрулив к особняку, я остановилась на противоположной стороне дороги, заглушила мотор и опустила уставшие руки на колени.

Вот он – дом моего детства. Двухэтажный особняк; вокруг двора – кованая ограда, состоящая из затейливых завитушек; небольшой сад; за деревьями – гостевой домик, с другой стороны дома – беседка. Чисто выметенные дорожки, аккуратные газоны. Вроде бы всё на месте, и в то же время – не так, как я запомнила. Деревья тогда были не такими могучими, а вдоль дорожек радовали глаз яркие клумбы. Теперь же здесь – строгий английский газон. Пожалуй, так даже лучше.

В поле моего зрения возник незнакомый человек в рабочей одежде. Он включил систему полива, осмотрелся вокруг, без интереса мазнул взглядом по моему автомобилю. Потом наклонился, опустил руки к земле. Проверяет уровень влаги в почве. После этого человек удалился за дом. Ясно, садовник. Раньше этим занимался мой отец.

Строго говоря, дом моего детства – это не величественный особняк, а гостевой домик в глубине сада. В особняке жили богатые люди – семейство Соболевых. Собственно, «семейство» – это громко сказано. Состояло оно из трех человек: отец, мать и сын. Я тогда была маленькая, и меня всегда удивляло: зачем им на троих целых два этажа? Ведь у нас в гостевом домике – полторы комнаты, и даже это жилье казалось мне хоромами. Но мама сказала, что у богатых – свои причуды, и я ей поверила.

Отец семейства, Валерий Петрович, был когда-то партийным чиновником, в годы «перестройки» он очень быстро «перестроился» на новый лад, после распада Союза укрепил позиции и очень быстро стал самым богатым человеком нашего города. Жена его, Яна Васильевна, была «профессиональной красавицей». Нет, о профессии фотомодели тогда еще и не слыхали, да и возраст у нее был неподходящий. Но она действительно была очень красивой женщиной с прекрасными манерами, и поговаривали, что именно ей муж был обязан своими успехами в партийной карьере. Сам-то он был мужчиной весьма средней внешности: среднего роста, средней комплекции. Лицо не то чтобы неприятное, а какое-то маловыразительное. Но это его не портило, поскольку аура власти окружала его плотно. Сын Игорь внешне удался в материнскую породу: высокий, гибкий, красивый невероятно. Однако манера держаться не оставляла сомнений, что он – достойный сынок своего властного папаши.

Моя семья на их фоне была полным контрастом: всегда нетрезвый отец, замученная жизнью мать и я – пигалица, входящая в возраст «гадкого утенка».

Родители мои – детдомовские. Они вместе выросли, потом поженились. Родили меня. Мама изо всех сил старалась «выбиться в люди», а отец очень быстро стал сдавать позиции: зачем стараться, когда можно накатить стопку и отбыть в мир сладких грёз… Сколько себя помню, мы вечно скитались по съемным квартирам, чужим углам, семейным общежитиям. Я даже не успевала на новом месте друзей заводить. Но когда мне исполнилось одиннадцать лет, маме несказанно повезло: она нашла работу в богатом доме. Здесь, у Соболевых.

Это и в самом деле было настоящее везение: хозяева положили хорошую зарплату маме, согласились взять также отца, закрыли глаза на то, что с ними – ребенок. Впрочем, теперь я не думаю, что «закрыли глаза». Наоборот, понимали, что лишняя пара рук будет работать на них бесплатно. А богатым людям всегда приятно получить что-то даром. Мама выполняла в доме всю работу по хозяйству, и я, вернувшись из школы, тоже включалась в эту работу. Только без всякой оплаты. Но мы же тогда не думали о том, что мой труд тоже должен быть оплачен! Просто я помогала маме, вот и всё. Отец занимался садом, ухаживал за клумбами, подметал двор, выполнял всю черновую работу: краны починить, пробки элек-

трические заменить, шторы снять или повесить, на чердаке убрать, что-то подбелить-подкрасить. Ему я тоже помогала.

По улице пронеслась ватага подростков на скейтбордах и роликах. Я проводила их взглядом и вздохнула. Если подумать, я в их возрасте была так загружена работой, что любой уполномоченный по правам ребенка просто обрыдался бы! С утра – школа, после обеда – хозяйственные работы в особняке и по двору, еще и свой домик надо убрать, а вечером успеть сделать уроки. Но я не жаловалась. Теперь ведь у нас есть свой дом! Я тогда искренне считала гостевой домик в саду (а по сути – сторожку) настоящим домом. Тем более мама то и дело радостно повторяла, что здесь у нас – двойное везение: мало того, что на работу взяли нас в полном составе, так еще и за жилье платить не надо!

Отложив на время воспоминания, я завела мотор и немножко сдала назад, к соседнему особняку, чтобы получше его рассмотреть. Теперь мой дом будет здесь, рядом с домом Соболевых. Кто бы мог подумать об этом много лет назад…

Этот дом был меньше, но красивее. Первая владелица не поскупилась на хорошего архитектора, честь ей и хвала. Теперь хозяйкой здесь буду я. Пора вселяться. Но сначала – пообедать. Ведь на сытый желудок въезжать в новое жилище будет веселее!

И я покатила в центр, где было много кафе, ресторанов и прочих заведений общепита.

Здесь меня ждал сюрприз. Центральная улица преобразилась настолько, что ее было не узнать. Если бы я не знала точно, где нахожусь, – подумала бы, что это незнакомый город. В моей памяти это место осталось довольно неприглядным: серые одинаковые дома, пыльная чахлая зелень, старые убогие лавочки с облупившейся краской. Теперь же фасады сияли огромными окнами-витринами, где были выставлены товары ведущих мировых производителей: бытовая техника, ноутбуки, косметика, даже автомобильный салон. На месте популярной некогда пельменной теперь был ресторан с роскошным входом. Назывался он почему-то «Парус». Почему именно «Парус»?… Вокруг города на сотни километров вокруг никаких морей не наблюдалось. Речка, правда, была, но настолько мелкая, что парусники по ней отродясь не ходили. Прогулочные лодочки разве что… Ладно, «Парус» – так «Парус», лишь бы кормили пристойно…

Припарковавшись, я вышла, постояла пару секунд, восстанавливая кровообращение после нескольких часов за рулем, и двинулась к роскошному заведению. Швейцар предусмотрительно распахнул дверь. Внутри была приятная прохлада, тонированные стекла ограждали этот маленький мирок от внешнего зноя, и настроение мое улучшилось. Девушка-метрдотель, прошелестев что-то о том, как они мне рады, провела меня в зал. Я попросила столик у окна, чтобы наблюдать за машиной. Повезло, свободный столик у окна нашелся.

Игоря Соболева я увидела сразу, хотя он сидел ко мне спиной. Не знаю, по каким признакам я поняла, что это именно он. Просто сердце ёкнуло. Я была еще не готова встретиться с ним, но что поделаешь, раз уж вмешалось провидение… Официантка подала меню, и я стала внимательно изучать его, прикрываясь этой папкой от остальных посетителей. Впрочем, вру: прикрывалась я именно от Соболева. До остальных посетителей мне не было никакого дела.

Выбрала я овощной салат, люля-кебаб из баранины и томатный сок.

– Прекрасный выбор, – улыбнулась официантка и ушла выполнять заказ.

Интересно, а если бы я заказала свиную отбивную или цыпленка табака, она бы мой выбор не одобрила?

В ожидании еды я смотрела в окно. Не на машину, конечно, – что ей сделается? Просто это место оказалось отличным наблюдательным пунктом. Поскольку стекла были тониро-

ванные, в них отражался обеденный зал. И можно было в этом почти что зеркале спокойно разглядывать посетителей, а они об этом даже не догадывались.

Разумеется, меня интересовал столик, за которым обедал Соболев в компании двух солидных дядек. В руках они крутили свои телефоны, постоянно тыкая в них пальцами. Я поняла, что они все что-то увлеченно подсчитывают. Свою прибыль, конечно. Никак не насытятся…

«Чем займемся, состоятельные кроты?» – «А что, если нам посчитать?»

Остальные люди, похоже, просто обедали. Никто ничего не считал, не суетился. Зашли поесть и отдохнуть в тишине и прохладе.

Соболев, оторвавшись от подсчетов, зачем-то обвел глазами зал. С чего вдруг? Неужто тоже сердце ёкнуло? Я не удивилась, когда его взгляд остановился на моей персоне. В этом полусонном зале я выглядела экзотическим цветком: черные блестящие волосы, белоснежная блузка с воротником-апаш, алая помада, на шее – яркий рубин на тонкой цепочке.

Он стал меня рассматривать, но я не подала виду, что заметила это. Конечно, я совсем не боялась, что он меня узнает. Как можно узнать в яркой строгой красавице маленькую девочку-замарашку, дочку домашней прислуги?

Соболев встал, прошелся по залу в сторону бара. Мимо меня, конечно. Я никак не отреагировала. Потом вернулся назад, – естественно, снова мимо моего столика. Кто бы сомневался… Я продолжала его игнорировать. Вернувшись за свой стол, он стал откровенно буравить меня взглядом. Я же увлеченно разглядывала пейзаж за окном. По всему было видно, что к такому невниманию он не привык. Ничего, дорогой, потерпи. Я удостою вниманием твою персону, только тебя это вряд ли обрадует… Месть – это блюдо, которое подают холодным. И как же сладка будет эта месть…

Мне принесли заказ. Отпив из стакана пару глотков сока, я принялась за еду. Присутствие в зале моего давнего врага аппетит не отбило. Он продолжал откровенно пялиться на меня, а я спокойно ела люля-кебаб. В конце концов, я же пришла сюда именно с этой целью! Меня не интересуют посетители, меня интересует обед.

Отодвинув опустевшую тарелку, я стала допивать сок. Подошла официантка, спросила, желаю ли я что-нибудь еще. Я заказала травяной чай.

Увидев, что я покончила с едой, он решился. Встал и вальяжной походкой направился к моему столику. Взявшись двумя руками за спинку пустого стула, он пригнулся, заглядывая мне в лицо, и спросил:

– Вы позволите присесть?

Я подняла глаза и без всякого интереса спросила:

– Зачем?

– Хочу с вами познакомиться, поговорить.

– Я здесь обедаю, а не разговариваю.

– А где вы разговариваете?

Я вздохнула с большим томлением, давая понять, как мне неприятно его общество. Но все же ответила:

– Разговариваю я обычно в комнатах для переговоров.

– Прекрасно! – обрадовался он. – Поехали!

– Куда?… – опешила я.

– У меня неподалеку офис. Там есть очень уютная переговорная комната.

– Знаете, мне и здесь достаточно уютно. А вот и чай мой несут!

Официантка поставила передо мной заварной чайник, чашку, и заискивающе улыбнулась Соболеву, который все-таки сел напротив меня. Потом спросила:

– Принести вторую чашку – для гостя?

– Да, – кивнул он.

– Нет, – сказала я.

– Так «да» или «нет»?… – растерялась официантка.

Я улыбнулась:

– Нет, спасибо. Мой *гость* уже уходит, – сделала я упор на слове «гость».

– Нет-нет, я еще посижу, – вальяжно улыбнулся он.

Нахал, однако…

Я налила себе чай и стала пить его мелкими глоточками, разглядывая Соболева равнодушным взглядом. Тут он сообразил:

– Разрешите представиться: Игорь Соболев, предводитель здешнего дворянства.

– Полагаю, скромность – не самая сильная сторона вашей натуры.

– А чего скромничать, если так и есть? Весь город – у меня в руках. А вы, я вижу, у нас впервые. В командировке?

– Не совсем. Наследство здесь получила. Может, и жить останусь. Если понравится. Пока что не очень нравится.

Он пропустил колкость мимо ушей.

Я спокойно пила чай. А вот он чувствовал себя неспокойно. На него, хозяина города, какая-то заезжая мадам не обращает никакого внимания. И он ничего не может с этим поделать.

Снова подошла официантка, виновато улыбнулась:

– Еще что-нибудь желаете?

– Шампанского! – улыбнулся «предводитель дворянства».

Девушка радостно заулыбалась.

– Счет, пожалуйста, – сказала я спокойно.

Девушка сникла и удалилась. Я полезла в сумочку.

Увидев это, Соболев сказал:

– Позвольте мне заплатить.

– С чего вдруг? – подняла я брови.

– Мне это будет приятно.

– А мне – нет.

Вернулась официантка, положила передо мной маленькую папочку. Соболев вынул пачку денег, взглянул на счет и положил в папку пару купюр. Я подвинула папку к себе, выложила его деньги и вложила свои. После этого встала, с улыбкой поблагодарила официантку, взяла сумочку и направилась к выходу. С Соболевым не только не попрощалась, а даже не взглянула на него. Неспешно прошла через зал, вышла в фойе. Там задержалась у зеркала. Поправила волосы и колье. Не то чтобы это было необходимо. Просто надо же дать человеку время. Потом медленно пошла к выходу, подошла к своей машине. Уже усаживаясь за руль, увидела, как из дверей выскочил Соболев и метнулся к своему автомобилю. «Мерседес», конечно. Хотя мог бы разориться на что-то более дорогое и заметное. А может, у него в «конюшне» много разных машин, кто знает?

Я аккуратно вырулила со стоянки, а он пристроился за мной. Желает, значит, проводить и увидеть, где я обретаюсь. Это мне и надо.

Доехав до своего дома, я поставила автомобиль у ворот, вышла и стала искать в сумочке ключи. Соболев проехал на пять метров дальше, выскочил из авто и расплылся в улыбке:

– Так вы здесь живете?

– Собираюсь, по крайней мере. Вас это не устраивает?

– Наоборот, очень устраивает! А я живу здесь, – указал он на свой особняк. – Нравится вам это или не нравится, но мы – соседи.

– Скорее, второй вариант, – пробормотала я, отпирая резную калитку. Вошла и демонстративно закрыла ее перед его носом.

– Как вас зовут, неприветливая соседка?

– Екатерина.

– А фамилия?

– Николаева.

Я сказала правду. Он все равно скоро узнает все мои данные, так чего скрывать? К тому же «именные» фамилии – самые незапоминающиеся. Мало ли у нас Николаевых, Петровых, Федоровых? Да и вряд ли он знал в те далекие годы фамилию моих родителей. Зачем ему?…

Он наконец-то угомонился и уехал. Уверен: теперь-то я от него никуда не денусь. Я пошла к дому. Если бы не Соболев, у меня бы, наверное, ноги подкашивались. Но он меня разозлил, и я шагала твердо.

Дом встретил меня нормально. Я огляделась в просторной прихожей, прошлась по комнатам. Дом не лучился радостью, но и не выталкивал меня. Уже хорошо. Самая большая комната оказалась каминным залом. Над камином, как водится, висел портрет хозяйки дома. То есть бывшей хозяйки. Вот, значит, как она выглядела… Интересная женщина. Хотя на портрете ей сильно за сорок, но дама, что называется, «со следами былой красоты». В детстве я видела ее нечасто, да и то издали. К нашим хозяевам в гости она не ходила. Даже в своем доме появлялась редко. Говорили, что ей больше нравится жить за границей. Ну, с ее-то деньгами…

Поскольку Соболев уже уехал, я вернулась к своей машине, достала из багажника огромные баулы, втащила их в дом и стала потихоньку обживаться. Собственно, мне нужно было только разложить свои вещи в шкафу. Слава богу, полки были пустые. Всё хозяйское барахло из шкафов было вывезено, дом был полностью готов к моему приезду. А остальное всё имелось: и мебель, и посуда, и бытовая техника. Я пошла проверять их состояние. Сантехника работала, кондиционер тоже. Надо думать, что и стиральная машина, и посудомоечная тоже в полной исправности. Ладно, со временем узнаем. Включила холодильник. Он уютно загудел. Хорошо. Теперь надо загрузить его продуктами. Переодевшись в джинсы и футболку, я отправилась на поиски ближайшего супермаркета.

Подходящий магазин нашелся на параллельной улице. Толкая перед собой тележку, я ходила по торговому залу и прикидывала, что мне надо купить прямо сразу, а что подождет до завтра-послезавтра. Но поскольку кухонные шкафы радовали своей пустотой, мне пришлось покупать не только йогурт, колбасу и фрукты, как я поначалу думала, но и крупы, и консервы, и сахар, и даже соль. Приходится наполнять «закрома родины», что поделать…

Изрядно нагрузив телегу, я подъехала к кассе – и опешила. Там восседала Ирка Рыкина, моя бывшая одноклассница. Она мало изменилась: поправилась только, да взгляд стал какой-то потухший. Волосы все так же затянуты в хвост, челка все так же падает на один глаз, и она ее то и дело привычно сдувает. Не понимаю – что мешает подстричь ее покороче?…

Конечно, я не ожидала, что она с радостным воплем бросится мне на шею. Но в ее глазах не было даже проблеска узнавания. Да и с чего бы? Я в их классе проучилась всего-то два года, ничем не выделяясь. И выглядела я тогда совершенно иначе. У меня были волосы средне-русого оттенка, который в народе называют «мышиный». И волосы эти я заплетала в косичку, из которой вечно торчали выбившиеся прядки. Теперь у меня была модная стрижка-каре средней длины, волосы черные. Ирка, как и Соболев, не могла провести параллель между той девочкой-тихоней и этой уверенной в себе, яркой молодой женщиной. Что ж, это даже к лучшему.

Дома я разложила припасы: что-то в шкаф, что-то в холодильник. Попутно нашла маленькую медную кофеварочку. Что ж, сварю себе кофейку. Хорошо, что и чай, и кофе купила сразу, не откладывая на завтра.

С чашечкой дымящегося кофе я вышла на террасу. Там был вполне удобный диванчик с массой подушечек. Предыдущая хозяйка была женщина практичная. Террасу застеклила,

поэтому дождя можно было не бояться. В хорошую погоду, как сейчас, окна открывались настежь, и было полное ощущение «улицы». В непогоду окна плотно закрывались, так что дивану, креслам и подушечкам ничто не угрожало.

Показался знакомый автомобиль. Ну конечно, давно не виделись…

Узрев меня на террасе, Соболев припарковался у своего дома, вышел из машины, вытащил из салона сумку и пошел к моим воротам.

Подойдя, крикнул:

– Хозяйка, гостей впускаете?

– Не заперто.

Он прошел на террасу, ослепительно улыбнулся и в несколько приемов вынул из сумки «джентльменский набор»: бутылку виски, бутылку вина, пластиковые стаканчики, коробку конфет и краснобокие яблоки. Я вопросительно подняла бровь.

– Знакомиться будем, – объяснил он. – А то как-то не по-человечески… Живем-то теперь через забор. А с соседями дружить надо.

– Разве? А с прежней соседкой вы дружили?

Он стушевался:

– Ну не то чтобы очень… Здоровались разве что…

– Предлагаю не менять эту добрую традицию.

Он в досаде хлопнул себя рукой по коленке:

– Катенька, ну что ты куксишься?! Что я тебе такого сделал?

Подчеркнуто вежливо я объяснила:

– Вы, Игорь, ворвались в мою жизнь, хоть я того и не просила. И сейчас не прошу.

Он махнул рукой:

– Ладно! Сейчас выпьем, и ты подобреешь.

– Вряд ли. Отношения с алкоголем у меня весьма прохладные: я не люблю его, он не любит меня.

– Я и это предусмотрел.

С этими словами он вытащил из сумки бутылку газированного напитка. Прочитав на этикетке название, я прыснула:

– «Буратино»! Надо же… Как в детстве. Я думала, его уж давно не выпускают.

– Наш заводик безалкогольных напитков выпускает. Спрос большой. – Тут он улыбнулся «со значением»: – Кстати, Катенька, тон занудной училки – неверный тон. Со мной лучше дружить.

– Это кому как…

– Да что ж такое?! Или я подрастерял свои гусарские качества?

Я пожала плечами, а он решил сменить тему:

– А кто вы по профессии?

– Дизайнер интерьеров.

Нахмурившись, он спросил с некоторой опаской:

– Так вы что, *та самая* Екатерина Николаева?…

– Видимо, да. Другой я не знаю.

Он рассмеялся:

– И как я сразу не сообразил? Как увидел – сразу понял: дамочка высокого полета. Но как же нам повезло!

Я снова подняла одну бровь:

– В чем же везение?

– Ну как же! У вас же очередь заказчиков расписана на год вперед!

– Откуда вы знаете?

– Знаю. Наши людишки к вам пытались записаться, но вы их отбрили. А теперь вы будете жить у нас!

– Это ничего не значит. Я сама выбираю заказы, и не факт, что здешние мне приглянутся.

– А вы впервые в нашем городе?

– Нет. Я выросла тут. Однако уже давно живу в соседней области. Так сложились обстоятельства. Но родилась я здесь.

Он заинтересовался:

– Серьезно? А жили где? В каком районе?

– Да тут, неподалеку.

– А где именно?

– Вот здесь, – махнула я рукой в сторону его двора.

Он засмеялся:

– Ошибочка, мадам. В этом доме всегда жила наша семья.

– Я не в барском доме жила, а в гостевом. В саду.

– Когда это?… – опешил он.

– Давно. Я тогда еще маленькая была. С одиннадцати до тринадцати лет.

Он прищурился, вглядываясь в меня. Потом поднял глаза к небу, вспоминая. А вспомнив, недоверчиво протянул тоном государственного обвинителя:

– Катюха?…

Я молча кивнула. Что ж, сик транзит глория мунди… Так проходит мирская слава. От «Катеньки» и «*той самой* Екатерины Николаевой» я молниеносно скатилась до «Катюхи».

Он растерянно хлопал глазами.

Я вложила в улыбку максимум сарказма:

– Облом, да?

Он горестно кивнул:

– Да уж, сюрпрайз… Ой, прости, я вдруг вспомнил: мне сейчас позвонить должны по важному делу.

– А мобильного у тебя нет?

– Мне на домашний позвонят.

Он встал, засобирался. Я не двинулась с места, сказала только:

– Спиртное забери.

Он кивнул, забрал виски и вино, оставив мне «Буратино», яблоки и конфеты. Ну, будет с чем вечером чаю попить…

От моего дома до своего он шел медленно, ссутулившись. Так идут дети, неся в портфеле двойку. Да уж, ему будет сегодня о чем подумать. Представляю его состояние: распушил хвост, и перед кем? Перед бывшей прислугой… Это ж надо так вляпаться!

Что ж, господин Соболев, игра началась. И я сделала первый ход. Ваша очередь!

Остаток дня я провела в доме, привыкая к нему. Очень хорошо, что окна комнат и кухни выходят либо на фасад, либо на задний двор. По крайней мере, Соболев не сможет наблюдать за мной в бинокль. А в сторону его дома выходят лишь окошки коридорчиков и подсобок.

К вечеру я соорудила себе грандиозный бутерброд с бужениной, заварила чай и, прихватив подаренные конфеты, снова вышла на террасу. Свет зажигать не стала, чтобы не чувствовать себя аквариумной рыбкой. Еду я мимо рта не пронесу и в сумерках, а вот жевать и думать, что за тобой пристально наблюдают, мне не нравилось. К тому же зажглись огни над дорогой, так что темнота не была кромешной.

На соседнем участке снова возился дядька-садовник, хотя время было уже позднее. Хозяина дома не было. Машины его тоже не видно. Уехал, должно быть. Вот и славно, трам-пам-пам! Пускай зализывает душевные раны подальше от меня.

Я открыто, не таясь, рассматривала соседний участок и прислушивалась к своим чувствам. Особой сентиментальности в себе не обнаружила. Да, когда-то там был мой дом. Да, я радовалась удаче, что повезло жить в таком замечательном месте. Но потом всё пошло кувырком, и жизнь придавила меня так, что я уверена: было бы много лучше, если бы мы никогда не знали семейку Соболевых.

Сначала я очень стеснялась хозяев и старалась не попадаться им на глаза. И мама так велела: не высовывайся! Поэтому помогала я ей в основном на кухне, а в комнаты заходила, когда никого дома не было. Да и заходила-то не просто поглазеть, а сделать конкретную работу: постели поменять, пыль смахнуть, цветы полить. А как только кто-то из хозяев подъезжал к дому, я пулей мчалась в кухню. Туда мадам Соболева практически не заглядывала. Даже указания насчет обеда и ужина отдавала у себя в комнатах.

Дамой она была видной: высокая, статная, с волнистыми светлыми волосами, которые укладывала каждый день по-новому. Я, малышка, мечтала: вот вырасту – и стану тоже красавицей. Не такой, конечно, как Яна Васильевна, но все равно – красавицей. А почему нет? Мама смеялась, слушая меня, и говорила, что надо учиться хорошо и профессию себе выбрать достойную, а не о красоте мечтать. Больше всего мама боялась, что мне, как и ей, придется горе мыкать по чужим людям. А вот образование, профессия – это надежно. Я запомнила.

Валерий Петрович никакого интереса у меня не вызывал. Возвращался с работы поздно, тут же включал телевизор и под его аккомпанемент без конца говорил по телефону, а иногда даже кричал.

Самым интересным персонажем в семье был Игорь. Золотоволосый и зеленоглазый, ну просто сказочный принц! Мне было одиннадцать лет, а ему уже двадцать. Разница в возрасте огромная. Не думаю, что я в него влюбилась. Возраст мой еще не подошел. Но любовалась им всегда. Приходили к нему не только друзья, но и девушки. И я не ревновала. С чего бы? Наоборот, радовалась, что не я одна его красоту ценю. Конечно же, принцу нужна свита! И в этой свите, понятно, состояли все сынки и дочки местной элиты. Я искренне была уверена, что «свита» ценит его за ум и красоту, за то, что он такой классный! Мне ведь было невдомек, что тут ключевую роль играли деньги и связи его папаши. Отца уже тогда за глаза называли «хозяином города». А теперь, значит, сынок титул унаследовал. Вместе с деньгами, связями и прочими атрибутами.

Родители разрешали сыну приводить в дом шумные компании. Умные родители. Пусть молодежь шумит, зато – в поле зрения. А то думай, где там твое чадо бродит, чем занимается… Однажды я сидела в сумерках на камешке за кустами роз, воздухом дышала, звезды считала. А Игорь вышел на крыльцо вместе с девушкой. Сначала они негромко о чем-то говорили, потом она стала тихо смеяться. Мне так понравился ее мелодичный смех, что я невольно стала прислушиваться. Лучше бы я этого не делала… Цветистая речь Игоря свелась, по сути, к одному: чего время терять, пойдем на полчасика в укромное местечко. Слушать это не хотелось, но уйти я не могла, чтобы не обнаружить себя. Девушка еще немножко позвенела своим хрустальным смехом, и они все-таки куда-то удалились. Думаю, в беседку. Только после этого я перевела дыхание и тихонько прошмыгнула к себе в дом, радуясь, что осталась незамеченной.

Потом я в такие ситуации попадала еще не раз. Например, однажды осталась одна в кухне, мыла посуду. Из коридора вдруг послышался неясный шум. Я закрыла воду, прислушалась. Идентифицировать шум я не смогла и очень испугалась: не воры ли сюда влезли? Взрослые хозяева в отъезде, дома только сын с какой-то девушкой. Испугавшись, я юркнула в

нишу между шкафом и холодильником. Может, не найдут меня?… Потом оказалось, что это Игорь целовал свою подругу, а заодно и раздевал. По дороге в кухню. Что им в комнатах-то не сиделось? Оказывается, пришли за выпивкой. Выпустив из рук полураздетую подругу, он полез в холодильник, достал две банки пива – и тут увидел меня. Я растерялась, он тоже. Потом приложил палец к губам – тихо! – и подмигнул. Подхватил пиво, подругу, и ушел к себе. Я опять еле-еле перевела дыхание. Испугалась, что нагоняй от него получу. За то, что подсматриваю. Хотя я не подсматривала, а просто посуду мыла.

Так бы и шла жизнь своим чередом, но вдруг в их семье что-то случилось. Я бы даже сказала – сломалось. Мать все чаще стала закатывать истерики без всякого повода, отец то бубнил что-то невразумительное, то просто отмалчивался, а Игорь старался поменьше бывать дома. Моя мама только горестно качала головой: нехорошо стало в доме. Она боялась, что ей откажут от места, и куда мы денемся? Снова ищи жилье, ищи работу…

Потом Яна Васильевна стала вести себя и вовсе странно: то уходила из дома и громко объявляла, что до вечера ее не будет, а через полчаса возвращалась, как ни в чем не бывало. То вдруг стала изводить маму мелочными придирками и все шипела ей в лицо, что она ничего подобного в своем доме не потерпит. То среди ночи врывалась в гостевой домик и, пересчитав нас по головам и убедившись, что мы все на месте, успокаивалась и уходила. Валерий Петрович стал совсем серым и больным, лежал в своей комнате, и мы его почти не видели.

А потом случилось страшное. Однажды Яна Васильевна вернулась с маникюра домой – и обнаружила Валерия Петровича в кровати мертвым. Она подняла такой крик, что сбежалась вся улица. Но соседи стояли за забором, во двор не заходили. Как же можно без приглашения войти к царю?…

А Яна Васильевна разбушевалась не на шутку. С криками: «Где эта мерзавка? Я сейчас из нее кишки выпущу!» – она схватила большой разделочный нож и ринулась к нам в домик. Дело было зимой, мама подхватила сильный грипп и два дня лежала с высокой температурой, не вставала. Поэтому я не пошла в школу. Надо было за мамой ухаживать, да и в барском доме прибраться.

Вбежав к нам, хозяйка кинулась к маме, занесла нож и стала ее колоть, резать, прямо кромсать на куски. Я закричала, стала хватать ее руку с ножом, но она так меня оттолкнула, что я отлетела в угол комнаты и больно ударилась головой о край стола. Настолько сильно, что потеряла сознание. А когда пришла в себя, увидела в нашем домике много людей. Одна незнакомая бабушка брызгала мне в лицо водой и хлопала по щекам. Я открыла глаза и с удивлением смотрела на толпу. Как все они здесь поместились?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.